

Герман Романов

ЦУСИМА

ГОРЕ ПОБЕЖДЕННЫМ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Р69

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 264

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Романов, Герман Иванович

Р69 Цусим .Горе побежденным :роман /Герман Романов. — Москв : Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-165510-5

Цусим — небывалый прогром русского флота, его боль и позор. Но это финляндская точка русско-японской войны, расплывшаяся жирной кровью в кляксу. Время отчаянной храбрости солдат и матросов и безрассудно упущенных полководцами и флотоводцами возможностей. Но могло ли быть иначе — вот в чем вопрос?! Может быть, и этот главный герой с погонями контр-адмиралом плечом попытается изменить историю. Удастся ли попытка, ведь ход событий неумолим, и русские моряки уже обречены на позор. Но недаром говорят, что смерть лучше позора! *Vae Victis!*

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Герман Романов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024
ISBN 978-5-17-165510-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ «ДОРОГА К СМЕРТИ»

Глава I

11–12 мая 1905 года

— Я вам скажу честно, Владимир Иосифович — думал, что его превосходительство умрет еще месяц назад, после того как в Камрани его настиг второй апоплексический удар. — В тусклом свете электрической лампочки блеснуло серебряное шитье на узких погонах коллежского советника. Старший судовой врач Васильев состоял на службе в непривычно высоком чине — шестого класса в «Табели о рангах», равного полковнику или капитану первого ранга. Но с точки зрения любого морского офицера не был возмутительно молод — всего тридцать шесть лет — для своего высокого положения. Корабельная служба у врачей на Российском императорском флоте идет гораздо быстрее в повышении, чем на берегу. К тому же она требует от них самих недюжинного здоровья, а следовательно, и молодости.

— Поразительно крепкий организм, несмотря на столь почтенный возраст и долгое утомительное плавание — все же пятьдесят девять лет две недели тому назад его превосходительству исполнилось, — врач непритворно вздохнул и сделал шаг назад, отступив от койки, на которой лежал умерший с седой бородой. Седина обильно припорошила и голову — и всего за несколько месяцев страшная болезнь сломала и погубила этого, еще недавно бодрого и деятельного флагмана второго отряда Второй Тихоокеанской эскадры, что следовала курсом на Владивосток.

— Вы правы, Григорий Степанович, отмутился наш Дмитрий Густавович, сколько господин контр-адмирал страданий перенес, ох...

На какую-то секунду вечно суровое лицо командира броненосца «Ослябя» капитана первого ранга Бэра непривычно смягчилось, и он даже охнул. Тут можно понять терзания Владимира Иосифовича, много чего повидавшего в своей жизни — ему шел уже пятьдесят второй год. Потерять флагмана за несколько дней до сражения с японцами — а в том, что оно состоится, никто не сомневался — дурная примета. На команду корабля это событие, несомненно, произведет самое гнетущее впечатление...

— Я осмотрел покойного — смерть уже наступила, пульс не прощупывается, биения сердца нет, зрачки не реагируют. Температура снижается, тело остывает — если угодно,

Владимир Иосифович, то могу провести вскрытие, можно еще пригласить врача с флагманского «Князя Суворова».

— В сем нет необходимости, — негромко произнес Бэр, тоже немного отступив от койки — стоять рядом с покойным, которого капитан хорошо знал, было тягостно. — Дмитрия Густавовича уже не раз осматривали, и в вашей компетенции ни у кого не было ни малейшего сомнения.

— У его превосходительства опухоль на половину желудка разрослась — последние недели я сам ужасался. Только ежедневные уколы морфия позволяли переносить боль. Оттого больной ничего не ел — весь усох. Потому в Носси-Бэ и поразил апоплексический удар, от которого Дмитрий Густавович едва оправился. Но трудности похода, ежедневная боль, тропическая жара, отсутствие аппетита, старческий возраст — да, именно так — и привели ко второму удару, за которым обычно следует смерть. Но организм на удивление крепкий, сам поражался — его превосходительство отчаянно боролся с болезнью, однако силы человеческие не беспредельны!

— Царствие ему небесное!

Бэр истово перекрестился — несмотря на фамилию, он был уроженцем Смоленской губернии и крещен в православии. А вот врач в силу профессии был хотя и тронут определенным нигилизмом, но последовал примеру

командира «Осляби» — смерть кого угодно из крещеных людей заставляет поверить и в кратковременность человеческого бытия, и в надежду на лучшее для себя лично. Недаром многие мысленно в жизни не раз восклицают — да минет меня чаша сия!

Бэр задумался, пощипывая пальцами бородку — ношение ее, как и бакенбард, на флоте было желательно. В отличие от усов — те являлись обязательными и напрямую предписывались уставом.

Несмотря на ночь, он немедленно пришел в салон флагмана, как только младший врач «Осляби» титулярный советник Бунтиг, сейчас тихо стоявший за его спиной, оповестил о смерти контр-адмирала Фелькерзама. Лекарь служил на «Ослябе» вот уже третий год — до этого был младшим врачом 104-го Устюжанского пехотного князя Багратиона полка. Достаточно знающий и умелый врач, пошел на флот ради карьерного роста, и что греха таить — повышенного жалования и денежного довольствия. Вот только, как прекрасно помнил Бэр, а командир корабля должен знать многое о подчиненных — послезавтра ему исполнится двадцать девять лет, а тут такой «подарок», причем во время его ночной смены.

Врачи, находясь на дежурстве, каждые три часа посещали флагманский салон, пропахший лекарствами — ничто не могло вытравить запах карболки и умирающей человеческой

плоти. Так что Георгию Роландовичу первому пришлось констатировать ожидаемую смерть больного и оповестить о том командира броненосца и старшего врача.

Теперь предстояло действовать согласно заранее данной ему командующим Второй Тихоокеанской эскадры вице-адмиралом Роже-ственским инструкции. О реальном состоянии здоровья младшего флагмана никто на кораблях, кроме посвященных в лечение врачей, не догадывался, а потому смерть Фелькерзама требовалось сохранить в полной тайне — дабы на эскадре не возникло уныния. Ведь нижние чины набраны из деревень, люди темные, суевериями пропитанные. Да и офицерам станет не по себе, нервы у многих и так напряжены — а все моряки в приметы крепко верят.

— Разрешите?!

В салон вошел старший офицер броненосца капитан второго ранга Похвиснев, назначенный на свою должность, как и сам Бэр, в мае прошлого года, когда вернувшийся из несостоявшегося похода на Дальний Восток «Ослябя» как-то «подрастерял» несколько офицеров. И тут ничего не поделаешь, были такие, кто предпочитал найти «тепленькое местечко» на берегу, чтобы не идти за тридевять морей. Там ведь придется сражаться, а то и пойти на дно, как погиб «Рюрик» в бою 1 августа с большей частью команды. Потому оные господа искали у себя всяческие болезни. А вот сам Владимир

Иосифович был рад, что вступил в командование броненосцем. Отираться на берегу Бэр не пожелал, хотя ему предложили тихое место в Кронштадте с должностью контр-адмирала и возможностью в самом скором времени получить «орлы» на погоны. Но принять такое предложение не мог по определению — посчитал немислимой для себя трусостью.

— Да, Давид Борисович, — негромко отозвался командир «Осляби». — Видите, какое дело случилось. С утра церковную службу проведем, оповестите господ офицеров и команду о панихиде. Надеюсь, к этому времени все требуемое успеют подготовить?

— Все будет выполнено, — чуть наклонил голову Похвиснев, и стало понятно, что все приготовления тот сделал заранее, прекрасно зная, что старый адмирал умирает. Бэр в который раз сделал вывод, что со старшим офицером ему повезло. В прошлом году капитана второго ранга только получил, в тридцать восемь лет — а до того год старшим офицером в лейтенантском звании на броненосце «Император Николай I» отслужил. А теперь путь ему в командиры открыт, причем на корабль первого ранга. Может у него самого и «Ослябю» примет — идет война, а на ней всякое бывает. И хотя Бэр, как всякий холостяк, был порядочным жизнелюбом и пользовался успехом у «дам полусвета», но мысли ведь разные в голову порой приходят.

— Григорий Степанович, подготовьте врачебное заключение и все необходимые бумаги, какие полагаются в таких случаях. С утра отправим катером командующему эскадрой, перед панихидой. Может быть, что Зиновий Петрович посетит ее — так что прошу вас поторопиться с их составлением.

— Через полчаса пакет будет у вас, — старший врач склонил голову и, надев фуражку, вышел из салона, за ним последовал Бунтиг. Бэр подумал, что и у коллежского советника Васильева все необходимые документы практически готовы, раз сказал, что через полчаса их принесет — а ведь до побудки еще целых два часа — «собачья вахта» только началась.

— Давид Борисович, сообщите сигналом на «Князя Суворова», как только рассветет, — Бэр хорошо запомнил данную вице-адмиралом Рожественским инструкцию. И внимательно смотря на старшего офицера Похвиснева, негромко произнес:

— «На корабле сломалась шлюпбалка». Этот сигнал заранее оговорен, Давид Борисович, так что пусть передадут в точности!

Глава 2

— Что делать, прах подери?!

Вице-адмирал Рожественский в ярости ударил кулаком по столу со всей силы — и скривился от боли. Потряс кистью, убаюкивая

ладонь как ребенка, шипя и кривясь. Зато схлынуло отчаяние, перемешанное с липким страхом, что не давало ему спать с тех первых дней января, когда на стоянке в Носси-Бэ, на северной оконечности французского Мадагаскара, он получил известие о сдаче генералом Стесселем Порт-Артура, после ожесточенной и долгой, почти полугодовой осады.

В этот момент рухнули все его надежды на благополучный исход похода, и Зиновий Петрович с пронзительной ясностью осознал, что теперь эскадру не ждет ничего хорошего, кроме неизбежной гибели!

Ведь одно дело добраться до Порт-Артура и соединиться там с броненосцами Первой Тихоокеанской эскадры. И дожидаться скорого деблокирования крепости Маньчжурской армией под командованием генерала Куропаткина, бывшего военного министра. А без этого вести победную войну на море невероятно трудно — если не будет подвоза всего необходимого, начиная от угля, и кончая присылкой пополнений, то базирование объединенного флота в осажденной крепости невозможно по определению.

— Все не так, совсем не так, — пробормотал Зиновий Петрович, вспоминая годичной давности события. Тогда он еще был начальником Главного морского штаба, и как никто отчетливо представлял истинную ситуацию в войне на море. Гибель броненосца «Петро-

павловск» с командующим Первой Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралом Макаровым и его штабом произвела шокирующее впечатление. В строю остались только три броненосца, а еще три ремонтировались — «Ретвизан» и «Цесаревич» получили в борт вражеские торпеды в первую ночь войны, а «Победа» в том злосчастном выходе для «Петропавловска» также подорвалась на mine, но избежала горькой участи погибшего флагмана.

Новым командующим флотом наместник адмирал Алексеев назначил своего начальника морского штаба контр-адмирала Витгефта — откровенно слабого и безвольного, который предпочитал не командовать, а руководить, устраивая коллегиальность по любому поводу. Ему на замену выслали сразу двух вице-адмиралов, вот только они приехали в Маньчжурию в конце мая, когда железная дорога была перерезана врагом. И отбыли во Владивосток, где на три находившихся в строю броненосных крейсера оказалось три заслуженных адмирала, включая Иессена.

Японцы в том же мае зря не теряли — заняли всю Корею, перешли через реку Ялу, и тут же высадили десант у Бицзыво — вскоре отрезав Квантун от Маньчжурии.

И события, неумолимо разрастающиеся как снежный ком, приняли не просто тревожный — угрожающий характер. И хотя в начале мая под Порт-Артуром погибли на минах

два японских броненосца, этот громкий успех не переломил ситуации. Японский флот был сильнее русского — против десяти кораблей линии, считая три броненосных крейсера во Владивостоке, японцы могли выставить двенадцать, причем с возможностью их быстрого сосредоточения против любого русского отряда. И что самое плохое, так то, что японский десант нанес поражение русским войскам, защищавшим перешеек у Цзиньчжоу, и дивизия генерала Фока в панике отступила к Порт-Артуру. В Дальнем, в этом прекрасно оборудованном порту, буквально брошенном, высадилась целая японская армия под командованием генерала Ноги и начала наступление на главную базу флота, выйдя в начале июля к Порт-Артуру, обложила его, начав осаду.

В ГМШ надеялись, что Маньчжурская армия генерала Куропаткина добьется успеха, вот только поражения на реке Ялу, а потом у Вафангоу и Ташичао поколебали эту уверенность. А в конце августа состоялось генеральное сражение под Ляояном, закончившееся полным крахом и беспорядочным отступлением русских войск. И с пронзительной отчетливостью стало ясно, что Порт-Артур деблокировать невозможно, и крепость предоставлена собственной судьбе. Так что, несмотря на всю храбрость и самоотверженность гарнизона, блокада и штурмы сделают свое дело.

Что война с японцами неизбежно начнется, Рожественский хорошо понимал, и как начальник ГМШ предпринимал меры для усиления Первой Тихоокеанской эскадры. В июле 1903 года было принято решение отправить на Дальний Восток «Ослябя» и «Баян». Но если крейсер быстро добрался до Порт-Артура, то броненосец задержался в Италии для ремонта. В октябре на Дальний Восток отправилась эскадра контр-адмирала Вирениуса в составе крейсеров «Аврора», «Дмитрий Донской», «Алмаз», семи миноносцев и присоединившегося к ним в декабре в Средиземном море «Осляби». И добравшись до Джибути 31 января, русские моряки там узнали, что война с японцами идет уже несколько дней.

В том, что отряд двигался так медленно, виноват был не только его командующий, но и ГМШ — Зиновий Петрович сам несколько раз «притормаживал» поход, хотя необходимости в том не было. За три месяца с «довеском», да еще через Суэцкий канал, да с возможностью быстрой бункеровки углем в любом порту, корабли могли спокойно добраться если не до Порт-Артура, то до Шанхая или Камрани в самом плохом случае.

Ведь перекупленные Японией у Аргентины, построенные на итальянских верфях два новеньких броненосных крейсера оказались более «шустрыми», чем идущие с темпом беременной черепахи русские. Несмотря на то,